

По праву
летней поры

Иоланта
Сержантова

Иоланта Сержантова

По праву летней поры

<https://litres.ru/74617308>

SelfPub; 2026

Аннотация

По праву летней поры/ рассказы, новеллы, эссе, //

Новый сборник Иоланты Сержантовой о России, её природе и людях, которые здесь живут. "Все люди одинаковы, да не все похожи друг на друга", резонно замечает автор. Сборник составлен из произведений, в которых прослеживается связь между прошлым и настоящим, между мыслями и поступками. Особое место в произведениях автора занимают описания природы, ибо "природа- азбука патриотизма", как не устаёт повторять читателям автор.

Рекомендуется для внеклассного чтения.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Иоланта Сержантова

По праву летней поры

И выпало месяцу...

*Все люди одинаковы,
да не все похожи друг на друга...*

Автор

Альбом с фотокарточками округи раскрыт на странице, где одно лишь марево облаков, без конца и края. Небо с землёю слились в одно. Были бы звёзды... А так - не понять, где что. Впрочем, ветру всё равно. В который раз он тешит себя, рассматривая виды, вынимает каждую карточку из своего места и читает с оборота:

– «На долгую память», «С сердечным приветом!»... «Валуйки, Март, 1941», «Козловка, апрель 1941», «Берлин, Май, 1945», «Штовенхаген, 1946», «Лейпциг, 1950», «Липецк, 1956», «Воронеж, 1956», «Алтай, 1958»...

– Что ж вас мотает-то так... – сокрушался ветер, вчитываясь в даты, названия городов, имена и бесхитростные, искренние, наивные, сквозь смех или слёзы пожелания. А не понимает, что и сам таков, – неугомонный, бесшабашный сорви голова.

Разный у всех почерк казался ветру по одинаковому кра-

сив, как в прописи, ну - почти. Сказывалось усердие на уроках чистописания. И если прилежание девчат само собой разумеется, то за внятными, ровными, одна к одной буквами ребят проглядывали неровные заборы неряшливых строк, кляксы в пол-страницы, выпачканные чернилами манжеты и скомканные промокашки. Но сдюжили-таки, справились, смогли...

Похожим, ровнее ровного разборчивым почерком заполнялись наградные листы и личные дела бойцов Великой Отечественной. С описанием подвигов и перечислением захваченных высот и освобождённых городов.

...Ветер долго листал альбом с фотокарточками округи. И, невзирая на то что делал это не в первый раз, не ленился перечесть каждое «На вечную память...» и «С надеждой на встречу...» или «В память...» о ней.

Много в том пухлом, плотных листов альбоме приветов из прошлого. Подле них, подле любого, замираешь надолго. Не миновать того и ветру. От писанного недавно: «Вернусь с Победой!» за февраль двадцать второго посветлело его лицо... А над последним снимком «Нерождённому сыну от папы, с любовью...» ветер долго вздыхал, сдувая набежавшую слезу, да всё одно – растрогался так, что убирая фотографию на место, не справился заправить один уголок. ...И выглянул оттуда месяц, и выпало ему светить, пронзительно да ярко,

до рассвета, до боли в глазах.

Вот-вот...

Бархоткой инея прошлась ночь по округе, не упустила не единой веточки, дабы к рассвету предстала та опрятной, приятной сердцу и взору.

Чищенное серебро – оно светло, просто и празднично. Взглянешь на него, тронешь пальчиком, выправив ровнее, дабы не касались фарфору, и – будто бы уже именины и вот-вот соберутся гости, примутся улыбаться, поздравлять наперебой, дарить собственноручно исполненными безделицами, стишками да вязаными кошельками, на которых истрачено немало жизни.

А то придвинут стул к фортепьяно, сядут по-воробыиному на самый край, да в жару и испарине от смущения, примутся стучать по клавишам. Оно и нервно выходит, и неровно, и фальшиво отчасти, путают пальцы, сбиваются с ритму, но всё одно - благодаришь с приятностью в лице. Иначе невозможно, ибо за намерение спросится, за старание, а ни за что кроме¹.

Строг взгляд с поволокой небес из-под бровей облаков и собранный морщинами туч широкий их лоб. Словно бы ка-

¹ имеется в виду чистота, чистосердечие намерений человека и Судный день, когда свершится воздаяние за них

шицей тёртого мелу обтёрты жгуты серебряной проволоки травы, что чуть в стороне от застиранной снегами тропинки. У ног брошены броши листов и диадемы соцветий. Всё серебристо и бело.

Жёсткий, седой от инея подбородок пригорка подпирает крахмальный ворот лужи, затянутый льдом, будто галстуком, на манер солнечных лучей. Совсем скоро он махнёт рукой на приличия, оставит следить за собой, обрастёт разнотравьем, заведутся в его бороде и усах муравьи, бабочки станут отдыхать, присев ему на нос... И некому будет попенять ему на то, да и не к чему, тем паче – весной.

– Ночь была тут только что, и вот её уже нет.

– Поспешна...

– Как и всё, впрочем.

– Вот-вот.

– Вот-вот...

Во всех смыслах

Дурно, не дочиста выбритый, в чистой одежде с чужого плеча и новым паспортом, который он с явной неохотой подал проводнику для повторной проверки и едва сдерживался, дабы не вырвать бордовую книжицу из рук, не позволяя дочитать, сверится со списком пассажиров. Всё это мешало

разгуляться фантазии. было совершенно очевидно. что напротив, через стол боковушки плацкартного вагона расположился освободившийся на днях сиделец.

Нас разделяло расстояние, на два вершка² меньшее аршина³. Ну... Что ж с того, от горя до радости бывает и того короче. Как говорится - «От тюрьмы и от сумы...» всяко лучше не давать зарок. Длинная, полная неожиданностей жизнь, подставляет нам то подножку, то плечо, то бьёт по голове обухом обстоятельств, которые едва удаётся перенести. У жизни довольно средств не дать расслабленно взирать на её потуги показаться интересной...

Спрятав паспорт подальше, на дно внутреннего кармана пиджака, застегнув для верности пуговку, попутчик слегка успокоился, а оглядевшись по сторонам, порешил опробовать на визави застоявшиеся по причинам особого свойства приёмы обольщения...

Лиха беда – начало! И... Гражданин, недавно вернувший себе признаки гражданства, начал припоминать - каково оно, быть вправе. На удивление скоро он входил во вкус, и с каждой минутой наглед всё больше. Взгляды, жесты, недвусмысленные намёки...

Не дожидаясь, пока попутчик распоясается вконец, при-

² вершок - 4,445 см

³ аршин - 71 см, ширина бокового стола плацкартного вагона, кроме 7 вагона

шлось тянуться... не к кобуре, но ответить на кстати звонок друга.

– Да, спасибо, в вагоне. Скоро тронемся. Не переживай, справлюсь. Недаром же отец на зоне вырос! – легко и спокойно прозвучало во внезапно образовавшейся тишине. А на сладкое – лёгкий рассеянный кивок в сторону попутчика, вкупе с гаденькой, перенятой у отца улыбкой, которая не сама по себе, но сквозь высокомерное, безотносительное к присутствующим сожаление, низвергающее их до придорожной пыли. От подобного неизменно индевеют сединой чубы пресловутых точек над «И», кой парили доселе...

Невидимая рука приподняла посеревшего от нехороших предчувствий пассажира за шкурку и втащила кулём измятого белья на вторую боковую полку, где он и замер на незастеленном матраце, притворяясь спящим, до самого утра. Постель, разумеется, была в наличии. Но... Не посмел. Старался не дышать.

...В добрую минуту отец вспоминал, как на строительстве Цимлянской ГЭС хлопотали над ним, бывшим гимназистом и будущим школяром, зечки. Стесняясь друг друга, наперебой выказывали застоявшуюся, застрявшую в тюремных бараках, надорванную тяжёлым трудом, но не растерянную во все материнскую нежность. Зечки, «хорошие, в общем, ба-

бы», опекали его всё лето до приезда родителей, что остались в Вильнюсе, ожидая перевода на новое место службы отца. Черета пневмоний, едва не убившая парнишку, осталась в местах расположения балтийских племён скотоводов и земледельцев на берегах Немана и Даугавы. Ветер с Дона оказался здоровее. Во всех смыслах. Во все времена.

Где-то на берегу реки...

Ястреб из поднебесья глянул на себя в зеркало реки, а уже после раскрыл объятия навстречу округе, не ссылаясь на недосуг, таяние снегов и основательную от того прохладу, что, пробираясь под перья, сдувала с них мелкую стыдную пудру. Птице было видно, сколь непросто земле, не вполне выпроставшейся из-под сугробов, принять своё старое новое обличье. Под снегом до поры были сокрыты все её несовершенства, за зиму почти подзабылось про них. Сплошь вся в блеске брильянтов, округа тогда казалась себе прелестницей, не как нынче – простушкой, да хуже того – пастушкой, кой вольна лишь в том, чтобы присутствовать при чужой жизни, предоставляя к тому свои просторы.

Взамен лишённых укоризны и изъяна очертаний, округа весной была слякотна, полна той откровенной распушенности, когда любовью не порядок – досада более для прочих, нежели для себя самого.

– Подумаешь!.. – ответствовала бы на сторонний упрёк

округа, вздумай кому добиться от неё правды в толковании чувств.

В остальном же... Как не жаль тратить жизни на сожаления об ней...

Почти что треть весны за бортом. Промеж сугробов - проплешины с примятыми под шапкой снега влажными чубами трав. Кое-где, над сухими, безголовыми стеблями чертополоха, на манер зрелого одуванчика, клубятся мошки.

Закат скапывает солнечным юрким лучом с осунувшейся за зиму, сговорчивой травинки.

Ровно обкусан зефир месяца. День прежде отъел свою половину, остальное достанется ночи.

Сугроб в клочьях сена привалился к забору нагулявшим-ся до беспамятства котом. Снег тянет одеяло тепла на себя и тихо дремлет под крик журавлей, что похож на всё сразу: на лай лис, косуль и собак, что раздаются из самого сердца округи, из леса где-то на берегу реки.

Бабочка⁴

В позапрошлом веке его сочли бы гуманистом, и относились соответственно – с уважением и пониманием невозмож-

⁴ в Христианстве символ Воскресения

ности достичь подобного ему величия.хлопотно это чересчур.

В прошлом веке его считали бы подвижником и чудаком, с которым по пути только юным, не обременённым семьёй и обязанностями.

В веке нынешнем таковых причисляют к т е р п и л а м, унижая само звание в себе человека и все приметы человеческого; уничижая способность редких личностей проявлять выдержку и самообладание, в ожидании нужных результатов, которые непременно заявят о себе, пусть даже не теперь, но когда-нибудь в непременно светлом будущем.

Бабочка, со свойственной ей грацией, расторопностью и тактом, занималась привычным делом – летела на свет. Она полагала верхом неприличия устремляться к нему напрямую, обращаться запанибрата⁵. И не то, чтобы бабочка была неприбрана или замарашкой. Всё было при ней: и добротный, бледно-коричневого бархату приличный наряд, и в меру задорный взгляд; и стреноженные не робостью, не смирением, но умением держать себя в обществе манеры.

Казалось бы... Достоинно подражания! Но в противоречие здравому смыслу, всё это вынуждало бабочку держаться особняком. Общество не принимало её. Не от того, что брез-

⁵ запросто, напрямую, без церемоний

говало ею, но потому, как не умело, не могло, а ещё скорее – не желало понять. И ... это злило, вызывало неприятие, а то и вовсе - ненависть.

Известное дело: достоинство извечно путают с надменной отстранённостью и высокомерием, наскоро состряпанными поверх излишеств достатка. Его же почитают лицемерно, к нему испытывают зависть. Выказываемое в его адрес подбострастие откровенно наивно, и происходит лишь из одной надежды перехватить некую малую, пустяшную милость, соскользнувшую вдруг с барского плеча. Сие унижение почитается за умение жить. Кротость же к судьбе относят больше к греховной, непростительной почти слабости, спутав умение отыскать главное с покорностью. И более того, - довольство имеющимся причисляют к терпимости и привычке испытывать его.

Но бабочка... Коли на мнение со стороны, всё в её облике было чересчур: и независимость суждений, и лишённое видимых причин уважение к себе, деликатность в обращении с другими, умение обходиться малым и не томиться в одиночество, но находить в нём себя.

Бабочка⁶... Не испортив обыкновения, она летела на свет. И всё бы ничего, коли б то не был тот свет от луны, что пробивался из-под двери в ночь узкой серебряной подковой ме-

⁶ ночные бабочки, семейство Noctuidae (лат.)

сяца.

Не к чему и не к чему...

— Ба! Ну, расскажи... Только не сказку, а про то, как тебя не брали на работу!

— Ты уже слышал про это много раз!

— Ещё хочу!

— Странный ты. Хотя, может, оно и к лучшему. Современные сказки куда как нелепее прежних. Закрывай глазки и слушай...

Годы тому назад, в приснопамятные девяностые, незадолго до нового года, помусолив документы и потешив самолюбие не менее месяца, мне отказали в приёме на работу. Должность подразумевала пригляд за мирно дремлющей вычислительной техникой в закрытом с внешней стороны помещении, но вот, подишь ты...

За неимением лучшей возможности прокормить семью, я предлагала себя в качестве ночного сторожа, но меня не взяли даже туда. Прежде, чем дойти до такой жизни, я безрезультатно обошла много контор, а некий депутат, очарованный моими умениями, уже занёс было ручку над листком бумаги с приказом зачислить в штат, как обратил внимание на покрытые пятнами руки — точь-в-точь описанные в Биб-

лии следы⁷, что оставляют разного рода невзгоды.

– Это пройдёт? – спросил он, брезгливо отодвинувшись подальше.

– Сомневаюсь. – честно ответила я, и услышала лицемерное до банальности:

– Мы вам перезвоним.

Впрочем, депутат устыдился оказаться окончательно «соврамши», попросил перезвонить помощника, ибо сделал над собой усилие, но отказать лично не смог, а, во искупление неловкости, поручил узнать, чем помочь.

– Поставьте к Новому году ёлку во дворе. Время невесёлое, а у кого-то именно теперь - время детства. Ёлка должна быть!

– Сделаем. – пообещал помощник. – А лично вам?

– Соседка по лестничной площадке, блокадница, живёт совершенно одна. В День Победы всех поздравляют от города, а её нет. А она на заводе работала в юности, снаряды делала в осаждённом Ленинграде.

– Согласен, несправедливо, внесём в списки. – с сочувствием в голосе отозвался помощник, – Ну, а вам-то, чем помочь лично вам?!

⁷ экзема, когда кожа лопается от любых нервных потрясений; классическое проявление депрессии

Оглядев бедно обставленную комнату, незаправленную ещё постель с единственным, застиранным до дыр пододеяльником; на сына, что читал, засунув палец в рот, дабы заглушить голод, я подумала, что мне очень... очень-очень нужна хоть какая-то работа, но вслух выговорила то, что позволила взгромоздившаяся на руины собственного достоинства гордость.

– Спасибо, мне ничего не надо, – сказала я и положила трубку.

Утро следующего дня началось с того, что во двор дома въехал грузовик с трубами – остовом будущей новогодней ели. А ближе к середине дня в дверь соседки позвонили. Две несущие стены оказались не в состоянии сдержать её радости при виде цветов и подарков. И... всё это продолжалось годами: и ёлка, до первых террористических актов, и сделавшаяся привычной радость соседки, до её ухода из жизни в девяносто девять.

– Ба!!!

– Ты ещё не спишь?!

– Так ты не сказала, почему не взяли на работу сторожем! Доскажи и я засну!

– Из-за свёкра, которого видела мельком пару раз в жизни. – улыбнулась я. – Хороший был мужик. Он отсидел

сколько-то там по малолетке в женской колонии. Из-за ведра угля, по-моему. Вот и не взяли меня.

– Думали, что украдёшь?!

– Кто их там знает, что он думали. Скорее не думали во-все. Думать, оно иным как бы нЕ к чему или вовсе ни к чему.

Навечное

Порезавшись ненароком о занозистую макушку сосны, что, желая выслужиться перед округой, взгромоздилась на пригорок навечно, ночное небо, дабы не выдавать слабости, затаилось. Сорвало лопух облака прикрыть рану, тем лишь и обнаружило, что вновь заигрался ветер, не рассчитал сил.

Совки, ночные бабочки, кружат снежинками, тешат ночь, распаляют недуг, творят недобро, сами не ведая того. А ночь и тут молчит, не отстраняется от заботы об ней, терпит. Немного ей осталось, до утра, а там и само пройдёт.

Помнится ли округе, как девочкой, ожёгшись о крапиву, тянула к бабушке пальчик, просила подуть, дабы затушить нечаянный огонь. А бабушка, хотя и говорено ею было часто, не корила за забывчивость, а повторяла, глядя в глаза с лаской:

– Не дыши на рану, не разгоняй пламя, оно скорее затухнет.

Мотылёк мотылялся, трепетал и трепыхался спросонок,

в стремлении объять всё, что было видно его близоруким оком. Дятлы простукивали стволы, как стены округи, в присутствии синиц, что, разобравшись по парам, провожали в прошлое дни, не жалея, не жалуясь, не рассуждая про то.

Обустроивались и залётные, скоро привыкали они к родному дому, также, как недолго вспоминали тепло чуждой им стороны. Была б их воля, не уезжали б вовсе. Да нет у них в поступках простора. не наделены.

Взобралась сосна на пригорок навечно. Только вот «навечное» сосны сродни человеческому⁸. И... так по-человечески филин окликнул зарю, пожелал ей доброго утра и ушёл спать, скрывшись в сумерках дупла на время, будто бы навсегда.

На всю оставшуюся...

Как-то не слишком ровно вкручена лампочка луны в цоколь ночи. Видная со всех сторон, она, тем не менее, не светит, кутает горло в кашне облаков, и кажется будто вот-вот, откашлявшись едва слышно, дабы никого не беспокоить, шагнёт чуть назад в тень, отчего вовсе погаснет с тихим печальным, словно с отчаяния, «Дзынь!»

И останется после ходить по комнатам, опасаясь насту-

⁸ срок жизни сосны обыкновенной около ста лет

пить на стеклянные осколки, которых обыкновенно не случается, да искать впотьмах, куда подевал свечу. А потом, как отыщется, когда вздрогнешь, брезгливо коснувшись её будто сального боку рукой, тут уж поджидает другая доука – совершенно, решительно невозможно припомнить, где лежат спички. Запрятанный подальше от детей коробок находится, как водится, на самом видном при свете месте, на столе в кабинете отца, промеж мраморного пресс-папье и точилки для карандашей – извечного повода детворы постоять подольше подле. Но тож при свете! А в крошечной темноте пойдёшь, сыщи! Так только – всё наощупь, когда всякое не тем чудится, что есть на самом деле.

Это как помогать матери стирать, подавая прищепки. Дело делать не подпустят, ибо «хорошо не сделаешь» или «уронишь, после перестирывать». Ну, разве что доверят подержать с краю простынь, когда, ухвативши её с концов, крутят в разные стороны, дабы отжать воду перед просушкой. Но и тогда...

– Да что ж ты такая бестолковая! – осерчает мать, – В другую сторону крути, супротив моей! А ещё лучше – стой ровно, держи крепко, я уж сама. Гляди только, не упусти!

Вот и упустишь, как назло. Не сможешь удержать. Выскользнет из рук тот мокрый конец простыни рыбьим хвостом, да ещё хлестнёт по глазам. Самому после – плакать, да

смотреть из угла, как матери всё по новой - кипятить, полоскать, вывешивать, и выслушивать, какой ты из себя нелепый, никчёмный, не годный ни на что дрянной человечешко.

Так и утвердишься после с этим про себя мнением. А почтёт кто убеждать в обратном - не поверится. Материнское слово крепко, твёрдо и въедливо. Не след разбрасываться им. Ранит больно, на всю оставшуюся жизнь.

Запросто

– Гляди-ка, забавно как! В прицел ветки попала далёкая звезда!

– Скорее на рогатку похоже. А какая именно?!

– Та, что правее гримасы разодетой нынче, как на бал, луны и левее Ориона. Видишь?

– Возможно. Их много чересчур, чтобы понять, которая из них кто.

– Нас тоже много, но есть некто, про которого не след поминать всуе, которому до нас до всех есть дело.

– Прямо-таки до каждого?!

– Ты сомневаешься?!?

– Прости. Это я так.

– Да я-то что...

Подле луны – плиссе белого облака тесным высоким во-

ротником, ветер кружит округ куафёром, не смея коснуться нежной ткани даже вздохом. Те облака, что неподалёку, будто гимназистки, все в коричном. Скромны, без зависти, с восторгом и обожанием следят за преображением луны, словно за тем, как обряжают под венец невесту. Та сияет, само собой, гордая вниманием, ибо красива нынче луна, но заметно, что незаносчива и добра. Поглядывает на девиц, улыбается им приветно, кивает даже, вводя ветер в испуг, что испортит тот поклон дело, сведёт на нет его старания.

Ну и не уберётся, само собой, взмахнёт рукой с досады. Взметнётся от того облако, вздыбится, сделается навроде павлиньего пера, что не к месту, не ко времени, да и не к лицу белолицой ночной прелестнице.

И тут же прозвучит несмелое «Ква!» в тишине. Не в насмешку или осуждение, но так только, запросто, дабы помнила луна, что она не одинока и в радостях своих, и в печалях. Есть кому за нею присмотреть: за присмиревшей, за гордой, за всякой, как и за всяким, запросто, завсегда.

День-деньской...

Выцвели все горохи на сарафани небес, так что на нём, застиранном дождями, осталась единственная видная едва, прозрачная горошина луны. А всё одно – глядишь на подол

дня и делается на сердце светло, весело, будто праздник нынче какой.

– Таки всякий день - уже праздник.

– До понимания сего обстоятельства ещё надо додуматься, дорасти.

– Дорос?

– Похоже на то.

Промеж забот не заметишь, как складывается сам по себе день. День-деньской только и слышно: «Динь-динь!», мол – чем-то занят, да на поверку всё пустяшным. Суета, она прожорлива, ненасытна, ей и дня мало, и ночи.

Округа усердно приготовляет себя на погляд, не скупится на наряды, тягает из сундуков всякий час новое, а суета ревностью изводит, и так выходит, что ты перед нею кругом виноват.

И добьётся-таки своего, не успеешь оглянуться, как, помимо тщетности за душой и нет ничего. А над округой, знаменем - избитое сумерками небо в ушибах облаков, пронзённое копьём просвета. То зияет отверстие луны, тянет одеяло взоров на себя. Впрочем, ненадолго. Спohватится ветер, что повсегда на хозяйстве, поддаст жару, так что вспенится неслащёный взвар небес облаками, да всплывёт луна следом вываренной ладной луковкой, что по вкусу лишь тому, кто понимает, а то не позабыл цену алкающего не яств, но хлеб-

ной корки.

...К утру от пены не останется почти ничего. Так, пристанет немного по краям к горизонту, осядет всё лишнее, ненужное... суетное, без которого и жизнь не жизнь, а так только - «Динь-динь!» - день-деньской.

Апрель

Весенняя земля скупа и не торопится делиться полученным от солнца теплом. Она долго сдерживает его в себе, нежит, тешит и лелеет, прежде, чем уступить, поступиться собственными удобством, покоем и благополучием в угоду замершей округи, поджидающей заветного часу, когда вечер и ночь будут к ней одинаково благосклонны.

Днём ещё так-сяк, земля расстается, будто прикрытое полотенцем тесто в тазу у батареи, что замесила бабушка на пирожки, а в ночи подпускает к себе заморозки. Не по душевной доброте, но не отступаются те запросто, настойчивы и ходят, напоминая об себе из утра в утро, из сумерек в сумерки.

Вот и напускает на себя земля сурьёзу, будто суровости, покрывается бронёю корки льда, запахивается поплотнее и ожидает рассвета, накупившись на весь мир. Право слово,

как дитя.

Ну, оно и понятно. Иззябла, поди. То не в дому, где собака стучит по тёплой стене в такт мухе, что бьётся под толком в истоме от печного жару. А сбежит по надобности с крыльца – тут уж семени лапами, беги скорее, царапая когтями медальоны льда, да скользи неловко. Стучит собака лапами по земле, семенит, будто копытцами, обжегшись о ледяную покуда тропинку, торопится скорее её миновать. Бывает – собьётся с ритму когда, споткнувшись, да уже скорее в комнаты, в тепло, переждать, покуда воцарится, наконец, тепло вдоль и вдаль округи. А там и расположится она ко всему, разомлеет и:

– Делайте, что хотите! – скажет она тогда, махнёт зажатый в кулачке подолом зелёного сарафана, да широким шагом отправится к реке, выдохом отгоняя комаров от розового носа, обгоревшего слегка с непривычки на весеннем, ярком, словно яичный желток, солнце .

Хотя что...

Воцарился туман, и от того ночь случилась загодя, ещё в сумерках. Туман склизок и ровно слизень оставляет на всём блестящие следы, заодно и парит округу, и парит над нею. Не то стыдиться весеннего его не порядка, не то пестует. До срока не понять, покуда не вскипает он журавлиными голо-

сами, до поры, когда утки, устало возрадуются по прилёту. Над лесом звучат их голоса, будто скрип многих, утомлённых взмахами, крыл. И не вразумиться, – рады они или не вполне, но чудится, явственно так, – рыдают, со всхлипами, с выстраданным надрывом тоски по Родине, которую покинули не по своей воле.

А вот теперь, прямо в это самое мгновение, когда столь пережито и погублено сколько сил, – под ними она, здесь, родная, прямо тут!.. Да в тумане ничегошеньки не увидеть.

Точно так бывает над густым варевом лета. Когда поляны больше похожи на котлы кислых щей, зависает над округой облако. И с намёком на беду произносит простое «Нам надо поговорить...», от которого холодеет спина и щёки покрываются гусиною кожей. И хотя оно не посягает на чужое, но просит своё, всё одно – гадко отчего-то.

Распаренная на бесконечном томлении зноя, по причине той ясности и бездонности небес, что от ведра⁹ и не вычерпать ни одним ведром, округа на удивление тверда.

И пускай тот, кто пришёл незваным, торгуется долго, сверкая очами, грозит, ссылаясь на кого-то невидимого, но видного, а после поднимается резко, роняя стул, он всё одно, выходит, хлопнувши дверями, вон.

⁹ ведро - ясная сухая погода

Долго ещё слышны и видны отголоски его досады... Но не трогают, не задевают они больше никого.

– Перемелется, мука будет... – шепчет бабушка несостоявшейся грозе вослед.

– Для пирожков? – спрашивает внук, чей неподдельный испуг от близости бабушки по-ребячьи споро сходит на нет, – С вишнею?!

– Да хотя с чем, милоч. Я в тесто для тебя, что угодно заверну. Хотя вишню, хотя грозу.

Потеха... Люди и не

— *В лесу не курят!!!*

— *Да ладно вам, всю жизнь курю, и ничего...*

— *А если пожар?!*

— *Вот будет потеха!*

(Из бытности автора

*во время работы в должности заместителя
лесничего*

Борского лесничества Воронежского биосферного заповедника)

Пожар заката сошёл на нет сам собой. Не затребовал набата и людей, что выстраиваются в таких случаях цепью на

расстоянии вытянутой руки от колодца до стены огня. Земля и небо слились воедино. Жёлто-оранжевое пламя издаёт утробное гудение, и из высокомерной ярости метко плюётся искрами, как шпана, что по делу и без выказывает собственную удаль. Из чего соткана она? Да так, из ничего. Пшик.

Люди одеты кое-как, кто в чём. Которые в накинутах поверх ночной сорочки пальто, иные в нарядном, ибо только из гостей Тут — мужчины в женских кофтах, там — женщины в мужних шароварах; всё от того, где и как застала их весть, что мирит недругов в момент, а знакомцев теснит друг друга, делая их ближе.

Общая чужая беда объединяет людей. И тайный её смысл — опасения, дабы не сделалась та беда собственной, от тесноты и искренности устремлений, скоро стирает первый лицемерный налёт порыва, слетает он пыльной луковой шелухой, оставляя горечь сопереживания, заодно отворяя широко души и душевные сундуки нараспашку:

— Берите, не побрезгайте, оно новое, ненадёванное, да и вам к лицу лучше моего... Ну, не плачьте вы, пожалуйста... Живы, и слава Богу!..

Эх, и это всё до рыданий, которых не замечает и не стесняется никто... Вот бы уж и ветру, которому дело до всего, быть попутным попутно. Да отойти, остепениться, повреме-

нить, умерить порывы до лучших времён. Так нет же, усердствует, будто назло, не утихнет никак .

А людям куда деваться, кроме как снова в бой. Хлещут отважные огонь по горячим его загорелым бокам вениками ветвей, едва ли не грудью прикрывая собой уцелевший ещё лес, что дрожит, ожидая неминуемой расправы.

Кажется, не будет николи тому конца, как постепенно редет, вычесанная напором людей рыжая шевелюра пламени. И выпачканные сажей лица понемногу возвращают себе прежнее сдержанно-равнодушное выражение, понимающих толк в жизни и собственной в ней корысти.

Однако ж по домам расходятся с плохо сокрытым сожалением. А есть те, кто, ведая о склонности пламени к запырательству и недобрым умыслам, дожидаются, когда лесная подстилка уже не в силах дольше удерживать дым за щекой, с худо сдерживаемой яростью плюётся дымом из-под шага прямо в лицо, а то по-школярски, в кулачок пня или из-за угла овражка, покуда не заметил никто, дабы начать всё по новой: дым, огонь... Но — не на тех он напал, тот достойный, страшный противник, что как бы из пустяка, из безделицы и бездумия, минутной слабости, как злого умысла.

...Долго ещё стоять лесу обгорелыми головешками и пла-

кати о погибших. Нескоро ещё пригоркам обрасти щетиной травы. И не насмешничают над ними синицы, ибо сами крылья едва унесли. Хорошо, коли не успели с кладкой, замешкались. А ежели нет? Беда...

И пускай корила синица когда супруга прежде за медлительность, что на поверку основательности сродни, то нынче хвалит без усталы, и, вот потеха! — не боится перехвалить...

Нота Бене

Из тех людей, которые отозвались на призыв тушить лесной пожар, нашёлся-таки один единственный, который остался сидеть на скамеечке у своего дома. Не потому, что не мог. Не захотел. Даже головы не повернул.

Июль 2010- апрель 2026

Утру вслед...

Рыхлой вязки голубое небо рассвета в полоску перистых облаков. С затяжками и прорехами не по тому, что не умеет беречь вещи, но от того как тесно на свете ветру, не умеет он рядом, плечом к плечу, попутно и согласно, ему бы всё — навстречу, наперекор. Весеннему — особо, он, будто сквозняком из-под двери в зиму: струится, тянет, трётся с улицы

о ноги котом, холодит, вгоняя ледяные занозы в тонкие нежные пальцы солнечных лучей.

Покуда, разошедшись от безнаказанности, татью пробирается ветер в сокровенное, заодно торопится нашептать нечто на ушко безо всякого стыда: когда до стыди, а иной раз и до хворобы. И, от того-то безо всякого пригляду, сами по себе возвращаются в родные края птицы. Чудится сквозь горячечный сон, что, коли не помашешь им рукой, заплутают они, не узнают мЕста, пролетят мимо.

Да уж как рассеется морок горячки, кой ломал бесстыдно и прилюдно, — а супротив окошка зарянка хлопочет, поглядывая — замечена ли, узнана ль, не зазря ли она тут, на подоконнике; старая знакомица овсянка гнездо въёт на пару с супругом, - грациозно и манерно, будто не колыбель для милых детушек, а напоказ, только пыль в глаза пустить. И по двору, как по площади — трясогузка, барынькой: «Шарк-шарк!» — кланяется в такт шагам.

Впрочем, коли по чести, — и ходит едва, и почти не стоит на ногах. Притомилась так по пути, что едва ли не вполовину себя прежней домой возвернула.

— Худучая! — сказала бы бабушка, коли бы вышло им повидаться.

Да не для всех оно вровень сбывается, а лишь то, что суждено.

Недолго побыло рыхлой вязки голубое небо рассвета в полоску перистых облаков. Распустил ветер тот рассвет, смотал в мягкий клубок, но не наовсе, до утра только, что утру будущего вслед...

Медведка

Медведка, насекомое, по одному из ненаучных предположений названа так по схожей с бурым медведем манере поедать корешки растений.

— Фу! Убери эту пакость. Наступи на неё!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.